

УДК 38

Фольклорно-этнографические исследования финно-угорского наследия Костромского края в начале XX века

Шарабарина Софья Геннадьевна

Кандидат исторических наук, доцент,
кафедра социально-культурного сервиса и туризма,
Костромской государственной технологической университет,
156005, Российская Федерация, Кострома, ул. Дзержинского, 17;
e-mail: sonya9991@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается вопрос изучения фольклорно-этнографических источников, касающихся финно-угорского наследия на территории Костромского края. Акцентируется внимание на вкладе ученой общественности Костромского научного общества по изучению местного края в исследование данной темы. Более детально представлены материалы изучения финно-угорского фольклора и традиций В.И. Смирновым, М.М. Зиминым, А.А. Ширским. Делается вывод о наличии финно-угорского компонента в фольклоре и традициях Костромского края.

Для цитирования в научных исследованиях

Шарабарина С.Г. Фольклорно-этнографические исследования финно-угорского наследия Костромского края в начале XX века // Язык. Словесность. Культура. 2016. № 1-2. С. 58-67.

Ключевые слова

Финно-угорское наследие, фольклорно-этнографические источники, мифология, легенды.

Введение

Этнография финно-угорских народов в настоящее время является актуальной темой междисциплинарного научного интереса во всем мире [Heapost, 2005; Heapost, 2008; Heapost, Mark, 2010; Heinonen, 2005; Lazar, 2012; Leinonen, 2002; Stepanova, 2013; Tambets, Rootsi, Kivisild, Villems, 2001].

Начало XX в. – время стремительного развития всех отраслей науки в России. Значительную роль в этом процессе сыграли научные общества. В основном это были организации с

задачами всестороннего или комплексного изучения края. Их возникновение означало качественно новое состояние отечественного краеведения. Они отличались от других научных обществ широким спектром исследовательских работ, участием в них образованных людей с различными научными интересами. 18 мая 1912 г. состоялось открытие Костромского научного общества по изучению местного края (КНОИМК), возглавляемое В.И. Смирновым. Большой интерес члены КНОИМК проявляли к культуре древнего финно-угорского этноса (меря, черемисы), проживавшего на территории Костромского края до прихода славянских колонизационных потоков, а также к пестрой этнической картине, раскрывающейся в фольклоре и этнографии. Изучение традиций, обычаев и обрядов мерянского населения играют важную роль в воспроизводстве культуры и всех сфер духовной жизни, в реализации многовековых усилий сменяющих друг друга поколений.

КНОИМК разработало и распространило пособие по сбору документов «Этнографической программы», «Программы для собирания произведений народной словесности», «Предварительные указания к изучению Костромской губернии» и другие [Отчет о ..., 1914].

Значительный интерес представляют печатные «Труды КНОИМК», составившие восемь сборников, из них седьмой – исторический, восьмой – этнографический. Результатами практических исследований стали публикации в виде статей в печатных изданиях и научных докладов на собраниях общества.

Деятельность М.М. Зимина по изучению фольклора Костромского края

В сентябре 1919 г. по заданию общества помощник секретаря КНОИМК М.М. Зимин совершил специальную этнографическую экспедицию в Ковернинский и Макарьевский уезды, во время которой им делались записи фольклора и приобретались предметы старины, тексты похоронных причитаний. Собранные материалы были использованы в статье «Ковернинский край», вышедшей в Трудах КНОИМК в 1920 г.

Собранные М.М. Зиминим факты, касающиеся празднования рождества и крещения, подтверждают наличие финно-угорских обрядов в жизни населения определенных территорий Костромского края. Православные обрядовые каноны дополняются, а подчас и нарушаются смело вкрапляемыми привычными для местного населения языческими элементами. Например, часто встречается особое почитание птицы, ритуальные действия, где птица то оберег, то существо с магическими возможностями. Вспомним, что в финно-угорской мифологии значительное место отводилось птицам. Территория, на которой собирался этот материал (Поветлужье), с древних времен место поселения финно-угорских племен. Обратимся к описанию рождественских гаданий: «По вечерам промеж Рождеством и Крещением, во все дни, когда вздумают, приносят в избу курицу, кладут ее посередь полу вверх ногам и очерчивают ее углем три раза встречу солнца. В эту черту кладут зерна горсть: овса, ржи, пшеницы и крошки хлеба, а в эти крошечки серьги; куда выбросит серьги, в ту сторону и выдадут девку замуж» [Зимин, 1920].

В статье встречаем факт почитания куриного бога в виде круглого камня с отверстием естественного происхождения, проточенным водой. По поверьям, приносит удачу и здоровье. Если камень дарился кому-либо, то одариваемый должен был поцеловать того, кто дарил, чтоб перенять удачу, здоровье и т.д. «У кого куриный Бог (камень с дырочкой), подвешенный на веревочке, у того и водятся курицы. Это камень с самородной дырой, его находят больше случайно в поле и передают из рода в род. Чтобы водились куры, также вешают во дворе и лапоть. Если яйца выбирают из гнезда разные люди или кто-либо ворует, тогда куры перестают нестись. Если мужчина берет яйца из гнезд, тогда куры перестают нестись» [там же, 84]. Сведения о курином боге мы находим также позднее в анкетах КНОИМК 1924 г. На вопрос: не верят ли в Куриного бога? Что вешают на насесты и для чего? Крестьяне отвечают: Верят. Вешают дырявые камешки¹.

М.М. Зимин пишет, что вся крестьянская жизнь пропитана еще дедовскими и прадедовскими взглядами, верованиями и предрассудками. На все у крестьян свой веками сложившийся взгляд, на все свои приметы и поверья. На некоторых из них стоит остановиться. «С вечера на новый год запертой замок оставляют у колодца, со причетом: «Суженый-ряженый, приводи коня поить, приходи ключа просить». Он и придет к ней ночью-то ключа просить; кто приснится, тот и жених». «С бесед ходят ночью на реку, где быстрое течение, и берут камушки: если попадет черный камушек, и жених будет черный, если белый, и жених будет белый и т.п. [Зимин, 1920, 81-84]. Вновь мы встречаем характерный финно-угорский символ: конь.

Современный исследователь деятельности М.М. Зимина нижегородский ученый В.П. Федосеева пишет о нем так: «не являясь профессионалом, М.М. Зимин был образован в области этнографии и фольклора и осуществлял соби́рание на высоком профессиональном уровне. В Костромском областном архиве хранится переписка М.М. Зимина с московским этнографом В.Н. Харузиной. Кроме того есть сведения о переписке и общении Зимина с известным этнографом и фольклористом Д.К. Зелениным. Все это свидетельствует о высоком уровне его этнографической подготовки» [Федосеева, 2011, 198]. Личный фонд М.М. Зимина хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства. В фонде собраны «Сказки, песни, частушки, анекдоты, загадки, поговорки, записанные в Костромской, Ярославской и др. обл. (1918 – 1938)»².

Вклад В.И. Смирнова в изучение финно-угорских традиций

Многогранным и богатым источником для изучения этнологии края являются этнографические очерки Костромского края «Клады, паны и разбойники» Василия Ивановича Смирнова, опубликованные им в 1921 г. в КНОИМК [Смирнов, 1921]. Василий Иванович

1 КНОИМК 1924 года. //Коллекционная опись. Культ и народное с/х. народное верование. Хулиганство. Инв. № 339.

2 Личный фонд М.М. Зимина. Сказки, песни, частушки, анекдоты, загадки, поговорки, записанные в Костромской, Ярославской и др. обл. (1918–1938). РГАЛИ. Ф.– 1455, Оп.1. 5.е.х.

собрал большое количество сказаний, легенд о явлениях кладов на Костромской земле. Он использовал устные предания, записанные и изданные рассказы, дневниковые записи, рукописи. Для нас этот источник интересен тем, что все истории опираются на мифологические представления и являются отголосками древних верований мерянского населения Костромского края. На основе анализа легенд легко восстанавливаются прямые связи с культом животных, действиями предков, нечистой силы – божеств нижнего мира и др. Автор записывает и приводит конкретные места явления кладов, фамилии рассказчиков и участников действия. Он отмечает места древних капищ, священных рощ, поклонных камней – маркеров мерянской территории. Описываемые места, в большинстве своем, совпадают с мерянскими могильниками, городищами, курганами, иногда с реальными местами кладов (археологических находок). Наиболее архаичные и интересные для нас легенды имеют фабулу и набор атрибутов, присущих мифологическим взглядам финно-угорских племен.

В.И. Смирнов приводит легенды, где клад стережет гусь или утка. В народных поверьях, связанных с кладами, часто присутствует культ водоплавающей птицы. «В с. Минском Костромского уезда около пруда, на месте где были дома старых попов, в земле существует клад, который является в виде утки или человека. Рассказ этот В. И. Смирнов берет из дневника И. Д. Преображенского (Рукопись, 23 июня 1890 г.)» [там же, 5].

В указанных легендах неоднократно упоминаются рассказы о кладах, которые зарыты под большими камнями. Громадные камни, около которых «чудилось», по мнению многих ученых, являются маркерами мерянской территории. Часто камень обозначал место древнего капища. Интересно, что в Костромском уезде лежало несколько камней, на которых было высечено изображение гусиной лапы. Об этом упоминает Е.И. Горюнова: «знак гусиной лапы стоит как таинственный страж, на камне, охраняющем зарытые в землю сокровища» [Горюнова, 1961, 142]. Она приводит сведения о том, что подобного рода камень был найден на бараньих горах в 7 км от с. Черная Заводь б. Костромского уезда. В легендах описывается камень в местности «Гусыня» около с. Пушкина Костромского уезда: «в лугу «врос» большой камень, на нем ясно вырезана лапа гуся. По преданию под камнем зарыто не весть сколько денег. На «бараньих горах» лежал большой сажени в 1,5 белый камень, на нем знак гусиной лапы. Под камнем большой сундук с деньгами. Под Минским городищем у Волги так же был когда то громадный камень «кобыла» потом разбитый и отвезенный в Кострому под фундамент одной часовни. «Про камень этот еще рассказывали следующее: «Ванька Каин да Васька Гусь (Ус?) клич кликали, что под «Кобылой» клад они зарыли, а на камне гусиную лапу вырезали. Как камень увезли, рыли на этом месте, но клад кто-то уже раньше взял» (рассказ П. В. Шувалова, 12 июля 1920 г.) [Смирнов, 1921, 4-5]. В.И. Смирнов отмечает, что знак гусиной лапы встречался в рассказах из разных мест и о разных пунктах. Во всех указанных случаях гусиная лапа воспринималась как тотем-оберег.

Фольклорно-этнографические источники позволяют установить широкое распространение верований, связанных с космогонической ролью водоплавающей птицы у финно-угорских наро-

дов. Магическая защитная роль оберега-уточка сохранила на долгие годы данное изображение на фасаде зданий, посуде, вышивке полотенец и сарафанов, фольклорных сказаниях, песнях.

Как мы уже указывали ранее, панями назывались древние финно-угорские могильники и курганы. В.И. Смирнов описывает отмеченную в разное время и другими учеными склонность местного населения связывать панские могильники с местами расположения кладов. Вполне вероятно, что основано это на рассказах о находках археологических раскопок. Анализируя все наиболее архаичные собранные легенды, можно выявить группу особых условий, при которых появляется клад:

- 1) около клада что-то чудится или снится;
- 2) клады находятся под большими одиноко стоящими деревьями, в священных рощах, пещерах, под камнями для моления, на раздорожье, на месте древнего капища;
- 3) клад охраняет священное животное, оно имеет мифические черты: красный цвет, огромный размер, страшный вид и т. д.;
- 4) появление клада сопровождается огнем: огонек, пламя, огненный шар;
- 5) присутствуют волшебные действия: стукнуть по животному палочкой; часто слышится голос, который дает указания;
- 6) задание: пройти 33 шага, сосчитать до трех, три дня не смотреть на клад и др.;
- 7) особое время: действие происходит ночью, на закате, в день солнцестояния и т.д.;
- 8) существует заклятие клада, надо произнести заговор;
- 9) предлагается совершить обряд заклания животных;
- 10) в фабуле присутствует свадьба, смерть;
- 11) на лицо чудесные превращения: клад превращается в навоз, кости в золото и др.;
- 12) тот, кому показался клад, чувствует страх, ужас, может умереть, может потерять рассудок;
- 13) клад не дается в руки, если нарушены условия, закон;
- 14) встречаются магические цифры; клад кому то впрок, а кому то не впрок, несет несчастье, пропадает.

Все эти особенности указывают на мифологическую сущность легенд, являются исходными элементами мифов разных финно-угорских народов. Финно-угорские архаические элементы доказывают, что сюжеты и культы восходят к мерянской культуре Костромского Поволжья.

Фольклорные записки А.А. Ширского

Важнейшим источником устного народного творчества финно-угорского народа являются фольклорные записки А.А. Ширского «Из легенд Ветлужского края», изданные в 1923 г. Александр Александрович Ширский, в прошлом лесничий Мисковского лесничества, с 1913 г. заведовал библиотекой КНОИМК.

Сбор материалов автором производился в Какшинской и Вохомской волостях Ветлужского уезда и части Ключевской волости Котельничского уезда. Несмотря на отмеченную А.А. Ширским смешанность состава населения, исконно здесь проживали черемисы (предки современно марийского народа). Территория граничит с Вологдой, Великим Устюгом, местами проживания зырян – финно-угорской народности. Говор местных жителей напоминает диалект обрусевшего чуваша – «карашо», «терево» (дерево), коворю (говорю). Легенды рассказывались жителями зимой во время заготовок леса на сплав, когда жили в зимницах в лесу. «В долгие зимние вечера и пользуются особым вниманием те, кто мастер на всякого рода рассказы и прибаутки, получая за свое умение льготы по исполнению общественных обязанностей (заготовить дрова на ночь, принести воды и т. д.) [Ширский, 1923, 4]. Записанные легенды отражают финно-угорскую мифологическую картину мира. Например, в одной из них отчетливо просматривается общая финно-угорская мифологическая концепция сотворения мира при участии птицы. «Как-то бог творил мир, была сначала везде все вода; вот бог и послал доставить земли со дна морьскова птицу. Два раза она опускалась на дно, брала земли в лапу, да не могла удержать покуда поднималась на верх-водой-то землю-то у ней, вишь, вымывало; в третий раз взяла землю в рот и вынесла наверх. Вот бог и велит ей выхаркнуть землю: «да смотри ничего не утаивай», она выхаркнула и стала везде ровная земля. Только немножко она во рту утаила. И почала у ней та земля во рту расти, растет и растет. Она и взмолилась богу: «Осподи, ведь я земли-то утаила, не всю выхаркнула». – Ну, не ладно это ты сделала, делать нечего, выхаркивай остальную. – Она выхаркнула. И сделались от того горы по всей земле. А если бы она не утаила, дак не было бы гор» [там же, 20]. Интересны примеры, связанные с особым почитанием мифических животных, например, коня.

Образ коня или лошади неоднократно встречается; при этом отчетливо видно сохранение языческих верований уже в эпоху христианизации края. Легенда 12 «Как лошадь простила обиду» служит тому доказательством. Суть легенды заключается в том, что племянник потихоньку приворовывал корм у лошади своего дяди и отдавал его своему коню. Однажды лошадь обиделась: «Вот один раз как стал он у нее корм-то из-под рыла выгребать, она взяла и сфыркнула на него. И стал он с того времени не наедаться: напала на него несуть – ест, ест, а все голоден» [там же]. Перед нами картина кары за непочтительное отношение к священному животному. Далее события разворачиваются так: после долгих мучений племянник признался дяде в краже, а дядя послал его просить прощения у лошади. «Он пошел на конюшню и встал на колени. Она бегаёт круг него, так копытом зашибить и ладит, однако не трогает» [там же]. Здесь мы наблюдаем, что лошади приписываются качества разумности и преднамеренных действий. «Бегала, бегала – все успокоиться не может. Весь навоз взрыла, но все-таки в конце концов, сфыркнула опять на него – простила его, значит. И стал он опять по старому» [там же]. В легенде показано, что лошадь производит магические действия, она мыслит, она избирает наказание и, проучив, наконец, прощает. Прощение вымаливается на коленях. Вся легенда проникнута воспоминаниями о магических силах животных, о поклонении им и приношении

жертвы, в данном случае раскаяния. Другая легенда «Горький пьяница» этого же цикла рассказывает о том, как дьявол за услугу отблагодарил купеческого сына, который винил себя в смерти отца. Отец от обиды на сына повесился. Дьявол предлагал угощения, деньги, но по совету попа «если будет тебе какое животное давать, то возьми» купец взял коня. «Вывел дьявол двенадцать жеребцов и говорит: вот выбирай себе любого. – Стал купеческий сын к ним присматриваться – видит, у одного жеребца слезы из глаз каплют.– Вот этого говорит если хочешь подари мне. Ну изволь, только запомни мои слова, если хочешь добра себе – как приедешь домой, то никому из соседей коня не показывай, а сейчас же запри коня в конюшню, дай ему овса и сена и трое суток в нее ни сам не заглядывай, ни другим не вели ходить!». через три дня купеческий сын отворив конюшню нашел там отца: «Видит стоит там вместо коня на коленках его отец и богу молится, что спас душу от гибели» [там же, 9-10].

В этой легенде мы сталкиваемся со многими магическими чертами: три раза ходил сын совета спрашивать, через три дня надо было открывать конюшню, слезы жеребца как сигнал для опознания и выбора и наконец, чудесное преобразование коня в человека. Важным для нас можно считать слова попа о выборе награды не в виде денег, а в виде животного. Это явные отголоски поклонения священным животным.

Заключение

Результатами практических исследований членов общества КНОИМК стали публикации в виде статей в печатных изданиях и научные доклады на собраниях общества. К 1924 г. при обобщении тематики статей, известных фактов и выдвигаемых проблем стало ясно, что некоторые вопросы не исследованы, а другие требуют дальнейшего подтверждения и анализа.

Несомненно, что особую роль в исследованиях играли некоторые личности из числа краеведов, которые оказали влияние на развитие данной проблемы. Анализ их деятельности позволяет сделать вывод о том, что в начале XX в. идет активный сбор и освоение фольклорно-этнографических материалов. Собранный фактический материал и исследования членов общества доказывают наличие финно-угорской составляющей в фольклоре, традициях и обычаях населения Костромского края.

Библиография

1. Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. М.: Акад. наук СССР, 1961. 264 с.
2. Зимин М.М. Ковернинский край // Труды КНОИМК. 1920. Вып. XVII. С. 1-89.
3. Отчет о деятельности КНОИМК за 1913 год. Кострома, 1914. С. 10-11.
4. Смирнов В.И. Клады, паны и разбойники // Труды Костромского научного общества. 1921. Вып. XXVI. С. 4-6.

5. Федосеева В.П. Зимин М.М. – костромской собиратель фольклора // Жизнь провинции как феномен духовности. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 11-13 ноября 2010 г. Н. Новгород: НГУ им. М. Л. Лобачевского, 2011. С. 198.
6. Ширский А.А. Из легенд Ветлужского края // Труды КНОИМК. 1923. Вып. XXIX. С. 5-16.
7. Heapost L. Dependence of Finno-Ugric peoples' head and face measurements of stature // Papers on Anthropology. 2005. Vol. 14. P. 53-61.
8. Heapost L. Pigmentation variation in Finno-Ugric peoples // Papers on Anthropology. 2008. Vol. 17. P. 80-102.
9. Heapost L., Mark K. Ethnic and geographical variability of Finno-Ugric peoples' stature // Papers on Anthropology. 2010. Vol. 19. P. 94-109.
10. Heinonen Y. Finno-Ugric rune song tradition revisited; a critical discourse analysis of Vartina's "Aijo" // Intersections: Canadian Journal of Music. 2005. Vol. 25 (1/2). P. 138-170.
11. Lazar K. The message of the folk music of the Finno-Ugric language relatives of the Hungarians // Bulletin of the Transilvania University of Brasov, Series VIII: Art & Sport. 2012. Vol. 5 (54)-1. P. 31-36.
12. Leinonen M. Morphosyntactic Parallels in North Russian Dialects and Finno-Ugric Languages // Scando-Slavica. 2002. Vol. 48 (1). P. 127-146.
13. Stepanova J. The Finno-Ugrians in Upper Volga area in XI-XIII centuries (According to Archeological Materials) // European Researcher. 2013. Vol. 63 (11-2). P. 2708-2715.
14. Tambets K., Rootsi S., Kivisild T., Villems R. The concepts of Richard Indreko about the origin of the Finno-Ugric speakers and the population genetics of the extant North-East European population // TRAMES: A Journal of the Humanities & Social Sciences. 2001. Vol. 5 (1). P. 59-74.

Folklore and ethnographic studies of the Finno-Ugric heritage of Kostroma region in the early XX century

Sof'ya G. Sharabarina

PhD in History,

Associate Professor,

Department of socio-cultural service and tourism,

Kostroma State Technological University,

156005, 17 Dzerzhinskogo str., Kostroma, Russian Federation;

e-mail: sonya9991@yandex.ru

Abstract

The article discusses the study of folklore and ethnographic sources relating to the Finno-Ugric heritage on the territory of Kostroma region. The author focuses on the contribution of the academic community Kostroma scientific society for the study of the local region. The article shows materials of the study of Finno-Ugric folklore and traditions by V.I. Smirnov, M.M. Zimin, A.A. Shirskii. Folklore and ethnographic sources allow to open widespread beliefs associated with cosmogonic role of waterfowl in the Finno-Ugric peoples. Magic protective role of talisman-duck preserved for years to come on the facade of buildings, utensils, towels and sundresses embroidery, in folk tales and songs. Orthodox ritual canons are complemented and sometimes boldly violated by the pagan elements familiar to the local population. For example, a common thing is a bird special reverence, with ritual actions, where the bird is a guardian or the creature with magical abilities. The image of the horse or horses is popular; thus is clearly visible preservation of pagan beliefs in the era of the Christianization of the region. In the legends there are repeated stories of treasures that are buried under large stones. Huge stones, according to many scientists, are markers of Merya people territory. Often the stone marks the spot of the ancient temples. The presence of the Finno-Ugric component in the folklore and traditions of the Kostroma region is obvious.

For citation

Sharabarina S.G. (2016) Fol'klorno-etnograficheskie issledovaniya finno-ugorskogo naslediya Kostromskogo kraja v nachale XX veka [Folklore and ethnographic studies of the Finno-Ugric heritage of Kostroma region in the early XX century]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Philology. Culture], 1-2, pp. 58-67.

Keywords

Finno-Ugric heritage, folklore and ethnographic sources, mythology, legends.

References

1. Fedoseeva V.P. (2011) Zimin M.M. – kostromskoi sobiratel' fol'klora [M.M. Zimin, the Kostroma collector of folklore]. In: *Zhizn' provintsii kak fenomen dukhovnostiyu Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. 11-13 noyabrya 2010 g.* [Life in province as a spiritual phenomenon. Materials of All-Russian scientific conference with international participation. 11-13 November 2010]. Nizhnii Novgorod: N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Publ, p. 198.
2. Goryunova E.I. (1961) *Etnicheskaya istoriya Volgo-Okskogo mezhdurech'ya* [Ethnic history of the Volga-Oka places]. Moscow: Acad. Sciences of the USSR Publ.

3. Heapost L. (2005) Dependence of Finno-Ugric peoples' head and face measurements of stature. *Papers on Anthropology*, 14, pp. 53-61.
4. Heapost L. (2008) Pigmentation variation in Finno-Ugric peoples. *Papers on Anthropology*, 17, pp. 80-102.
5. Heapost L., Mark K. (2010) Ethnic and geographical variability of Finno-Ugric peoples' stature. *Papers on Anthropology*, 19, pp. 94-109.
6. Heinonen Y. (2005) Finno-Ugric rune song tradition revisited; a critical discourse analysis of Vartina's "Aijo". *Intersections: Canadian Journal of Music*, 25 (1/2), pp. 138-170.
7. Lazar K. (2012) The message of the folk music of the Finno-Ugric language relatives of the Hungarians. *Bulletin of the Transilvania University of Brasov, Series VIII: Art & Sport*, 5 (54)-1, pp. 31-36.
8. Leinonen M. (2002) Morphosyntactic Parallels in North Russian Dialects and Finno-Ugric Languages. *Scando-Slavica*, 48 (1), pp. 127-146.
9. *Otchet o deyatel'nosti KNOIMK za 1913 god* [Kostroma scientific society for the study of the local region activity report for 1913] (1914). Kostroma, pp. 10-11.
10. Shirskii A.A. (1923) Iz legend Vetluzhskogo kraja [From the legends of Vetluzhsky Region]. *Trudy KNOIMK* [Proceedings of Kostroma scientific society for the study of the local region], XXIX, pp. 5-16.
11. Smirnov V.I (1921) Klady, pany i razboiniki [Treasures, 'pans' and robbers]. *Trudy Kostromskogo nauchnogo obshchestva* [Proceedings of the scientific community of Kostroma], XXVI, pp. 4-6.
12. Stepanova J. (2013) The Finno-Ugrians in Upper Volga area in XI-XIII centuries (According to Archeological Materials). *European Researcher*, 63 (11-2), pp. 2708-2715.
13. Tambets K., Rootsi S., Kivisild T., Villems R. (2001) The concepts of Richard Indreko about the origin of the Finno-Ugric speakers and the population genetics of the extant North-East European population. *TRAMES: A Journal of the Humanities & Social Sciences*, 5 (1), pp. 59-74.
14. Zimin M.M. (1920) Koverninskii krai [Koverninskii region]. *Trudy KNOIMK* [Proceedings of Kostroma scientific society for the study of the local region], XVII, pp. 1-89.